

Зеркало по имени Ничто

18+

Автор: Георгий Алёхин

Георгий Алёхин

Зеркало по имени Ничто

«Автор»

2026

Алёхин Г.

Зеркало по имени Ничто / Г. Алёхин — «Автор», 2026

В бездонных провалах космоса, где звёзды — лишь жалкие искры забытых костров, дремлет нечто древнее, чем само время. Оно не спит и не бодрствует; оно просто есть — равнодушное, бесконечное, лишённое формы и имени, которое человеческий разум не в силах вынести. Когда же завеса реальности истончается, а обыденный мир трескается под взглядом, что старше всех богов, смертные начинают замечать отражения. Отражения, что не принадлежат им. Тени, что шевелятся без света. Зеркала, в которых город живёт своей собственной, голодной жизнью — и смотрит обратно. Те, кто осмеливается приблизиться, узнают правду, которую лучше не знать: человечество — ошибка в коде вечности, краткий сбой в молчаливой гармонии ничто. И когда зеркало по имени Ничто наконец раскроет свою истинную суть, не будет ни крика, ни борьбы, ни спасения — лишь тихий вздох, с которым реальность вернётся туда, откуда вышла.

© Алёхин Г., 2026

© Автор, 2026

Георгий Алёхин

Зеркало по имени Ничто

Пролог. Око бездны

В безбрежной пустоте космоса, где звёзды угасли, словно забытые воспоминания древних богов, дрейфовал обломок разрушенного корабля – жалкий осколок человеческой дерзости. Его борта, изъеденные ударами метеоритов, казались шрамами на теле гиганта, растерзанного равнодушной вселенной. Холод далёких светил не проникал сквозь трещины корпуса, и внутренние коридоры утонули в густой темноте – не просто отсутствии света, а присутствии чего-то древнего и терпеливого. В этом мёртвом лабиринте прошлое отзывалось глухими вибрациями. Это были не звуки – скорее, едва уловимые колебания, словно сама конструкция корабля шептала о пережитом ужасе. Аварийные маячки вспыхивали редкими импульсами, похожими на последние сокращения умирающего сердца. Разбитые панели и обугленные провода хранили следы борьбы, но противник не оставил формы – лишь ощущение, что за гранью восприятия существует нечто, не подчиняющееся законам материи. Воздух был тяжёлым, с металлическим привкусом разгерметизации и гари. Каждый вдох требовал усилия, будто сам космос сопротивлялся присутствию жизни. Время здесь растягивалось – не текло, а вязло, как густая смола, и каждый шаг по искорёженным коридорам отдавался гулким эхом. Космонавт двигался вперёд – медленно, с трудом удерживая равновесие. Его костюм был повреждён, индикаторы мерцали тревожным светом. Он не видел преследователя, но ощущал его – как давление на разум, как чужую мысль, скользящую вдоль сознания. Это присутствие не имело плоти; оно было подобно трещине в самой реальности. Спасательная капсула мерцала в дальнем отсеке – слабая точка света среди разорванных конструкций. Он достиг её почти вслепую, запер дверь и обессиленно опустился на пол. Внутри было тесно и тихо. Сняв шлем, он услышал собственное дыхание – прерывистое, слишком громкое для этой тишины. Панель управления ожила тусклым свечением. Протокол эвакуации был запущен. Компьютер сухо сообщил: кислорода – на сорок восемь часов. Он взглянул на индикатор – запас уменьшался быстрее расчётов. Он включил запись. – Спасательная капсула активирована... Если сигнал дойдёт – значит, я уже не услышу ответа. Кислорода осталось меньше часа. Этого недостаточно. Голос его звучал ровно – без паники, почти без эмоций. – Космос не враждебен. Он просто безразличен. И этого достаточно. Запись оборвалась. Капсула дрейфовала в темноте. Прошли часы. Возможно – дни. Сигнальный маяк погас. Иллюминатор покрылся инеем. Внутри, пристёгнутый ремнями кресла, космонавт застыл в неподвижности – не в позе борьбы, а в странном покое. Капсула стала ещё одним фрагментом космического мусора – безмянным, немым. Вселенная продолжала своё движение, не заметив утраты. И только среди звёзд, которые по-прежнему горели холодным светом, эта крошечная оболочка несла внутри себя след человеческого присутствия – короткую вспышку сознания, затерянную в бесконечности.

В тот вечер небо над Каменстоком было мёртвым. Ни единой звезды, ни намёка на луну – только бесконечная, абсолютная тьма, будто сама ткань космоса истончилась, обнажив бездну, что всегда таилась за ней. Эта пустота не была просто отсутствием света; она жила, дышала, шептала на краю сознания – шепот, который никто не слышал, но все чувствовали, как холодный пот на затылке. Город, обычно шумный и полный жизни, затих, словно в ожидании удара, который вот-вот разобьёт реальность на осколки. И тогда появился ОН. Красный глаз в небе.

Не звезда – нечто большее, древнее, чуждое. Она висела низко, слишком низко, освещая улицы зловещим, пульсирующим сиянием, как будто город оказался под взглядом гигантского, не моргающего зрачка. Красный свет сочился по крышам домов, окрашивал асфальт в цвет свежей крови, проникал в окна, заставляя тени плясать в углах комнат. Люди, один за другим, выходили на улицы, привлечённые этим странным, гипнотическим свечением. Воздух замер – ни дуновения ветра, ни рёва моторов, ни далёкого гула поездов. Всё стихло, как будто мир задержал дыхание, зная, что вот-вот случится нечто, для чего нет слов в человеческом языке. Миссис Эвелин Харпер, пожилая вдова из дома на углу Мэйн-стрит, первой почувствовала неладное. Она сидела у окна с чашкой чая, когда тьма за окном внезапно окрасилась в алый. Что это? – подумала она, сердце забилося чаще. – Комета? Или... знак? Она вспомнила старые сказки своей бабушки о падших ангелах, чьи глаза горят в ночи, предвещая конец. Дрожащей рукой она отодвинула занавеску и вышла на порог. Её соседи уже собирались: мистер Томпсон, механик с фабрики, стоял с сигаретой в зубах, уставившись вверх; его жена, Клара, прижимала к себе спящую дочь, шепча: «Это не к добру, Джон. Не к добру». – Смотрите! – крикнул кто-то из толпы, указывая пальцем. – Оно... оно смотрит на нас! Суeta началась мгновенно. Люди высыпались из домов, как муравьи из развороченного муравейника. Молодой парень, Алекс, студент колледжа, только что вернувшийся с вечеринки, замер посреди улицы, телефон в руке. Это вирусное видео года! – подумал он, пытаясь сфотографировать. Но экран мигнул, и изображение исказилось – звезда на фото выглядела не как светило, а как живое око, с венами, пульсирующими в красном. – Что за чёрт? Страх пробрался под кожу, холодный и липкий, но он отмахнулся, крикнув друзьям: «Эй, парни, вы видите это? Это как конец света из фильма!» Рядом с ним старушка мисс Лора, слепнувшая от возраста, шурилась в небо. Она не видела четко, но чувствовала – это не звезда. Оно голодное, – подумала она, воспоминания о детстве в старой деревне, всплыли: легенды о богах, что спускаются с небес, чтобы пожрать души. – Оно пришло за нами. Она перекрестилась, бормоча молитву, но слова застревали в горле, как будто воздух стал слишком густым для звука. Дети, вырвавшиеся из домов, сначала радовались – «Мама, смотри, красная луна!» – кричала маленькая Сара, тянувшая мать за руку. Но радость угасла быстро: красный свет падал на их лица, делая кожу бледной, глаза – стеклянными. Родители хватали их, прижимали к себе, шепча: «Всё хорошо, солнышко, это просто... огонь в небе». Но в голосах сквозила ложь. Мистер Томпсон повернулся к жене: «Клара, может, это метеорит? Надо уходить в подвал». Она кивнула, но ноги не слушались – все замерли, замороженные, как мотыльки у лампы, не в силах отвести взгляд от этого красного ока, которое, казалось, приближалось, росло, заполняло весь горизонт. Воздух действительно замер – ни шелеста листьев, ни далёкого лая собак. Только тихий, низкий гул, идущий откуда-то из глубин земли, как будто мир сам начал вибрировать в ответ. Люди переглядывались, их разговоры становились отрывистыми, нервными: «Это тест? Военные?» – «Нет, это конец, я тебе говорю!» – «Молчи, не пугай ребёнка!» Страх полз по улицам, как туман, – сначала лёгкий, потом густой, душный. Кто-то включил радио в машине, но эфир был мёртвым, только статический шум, напоминающий далёкий шёпот голосов, которых не должно быть. А потом оно рухнуло. Звезда – или глаз – сорвалась с места, прочертив небо аллой полосой, которая разрослась в ослепительный вихрь. Земля вздрогнула, будто гигантский, древний зверь, спавший в недрах, шевельнулся во сне, готовясь проснуться и разорвать кору мира. Тряска была не просто землетрясением – это была агония реальности, как будто сама материя стонала под весом чего-то непостижимого, чуждого нашему измерению. Дома задрожали, стекла лопнули с треском. Люди закричали – пронзительно, отчаянно, – хватаясь друг за друга, падая на колени. Алекс, студент, почувствовал, как его разум на миг помутился: Это не может быть. Это сон. Проснись! Но сон не кончался. Миссис Харпер упала на порог, бормоча: «Господи, прости нас...» В мгновение глаз стёр всё. Волна красного света, не огонь, не взрыв – нечто иное, как эрозия самого бытия. Постройки растворились, люди исчезли, не оставив даже крика – просто миг, и город

Каменсток был стёрт с лица земли. Ни руин, ни тел, ни следов борьбы. Только пустота, где секунду назад кипела жизнь. На месте падения, в центре бывшей главной площади, возникло оно – огромное зеркало. Рама из странного, переливающегося металла, поверхность идеально гладкая, без единой царапины. Оно отражало не пустыню разрушения, а тень бывшего города: смутные силуэты зданий, тени жителей, замершие в своих последних позах – указывающие пальцем, прижимающие детей, шепчущие молитвы. Эти тени не двигались, но в них было что-то живое, голодное, как будто они ждали, чтобы кто-то подошёл ближе и стал одним из них. Исчезнувшие из реальности, они теперь существовали только в этом отражении – призраки, запёртые в стекле. А над ними, в зеркальном небе, сияло совершенство: алмазные россыпи звёзд, яркая жёлтая луна, полная и насмешливая. Как будто зеркало издевалось над миром, показывая, что могло быть, если бы не это падение. Но в глубине отражения, за тенью города, мелькнуло нечто – лёгкое искажение, как рябь на воде, скрывающая бездну. Нечто, что смотрело обратно. Нечто, что знало.

Глава 1. Контракт в никуда

Комната дышала страхом ещё до первого слова. Воздух – густой, как дым от костра из мокрых тряпок: старый табак, пережаренный кофе, пластиковые стаканчики с остатками гуши. Запах вёлся в стены, в обивку стульев, в кожу. Под потолком жужжала лампа дневного света, но свет от неё был мутным, будто через него пропустили всю усталость планеты. На столе – беспорядок: смятые пачки сигарет, переполненная пепельница, стопки бумаг, которые никто не хотел трогать. В углу проектор тихо гудел, на экране пульсировал одинокий красный крест – единственная метка на карте, от которой у всех внутри что-то сжималось, словно реальность слегка сдвинулась. Они сидели неподвижно, как люди, которые уже знают приговор. Сержант Алекс Рейнс – во главе стола, спина прямая, взгляд холодный, но пальцы на столе слегка дрожали. Ещё один брифинг. Ещё одна подпись под тем, что потом сотрёт людей. Рота погибла – моя вина или нет? Неважно. Здесь я хотя бы могу попытаться исправить. Или просто умереть не зря. Рядом Брок – двухметровая глыба мышц, которая сейчас казалась сторбленной; кулаки сжимались и разжимались, костяшки белели. Опять подвалы, опять очкарики с тайнами. Дайте цель, дайте врага – я разнесу. А если это не враг, а что-то, что не стреляет в ответ? Чёрт, лишь бы не ждать. Слим, худой и вечно настороженный, сидел на краю стула – нож в пальцах крутился быстрее обычного, лезвие ловило блики. Третий уровень. Значит, опять зона без связи, без выхода. Я уже был в такой. Выжил. Но каждый раз кажется – в следующий раз повезёт меньше. Почему я здесь? Потому что бежать некуда. Доктор Харрис, двадцать лет полевых кошмаров за спиной, уставился в пустой стаканчик. Сколько раз меня звали «на всякий случай»? Сколько раз я зашивал то, что нельзя было зашить? Если опять тела, которые умирают быстрее, чем я успеваю понять... Я устал. Но уходить – значит сдаться. Кид, двадцать два года, нога била по ножке стола, как метроном перед взрывом. Это мой шанс. Не полигон, не симуляция – настоящее. Они смотрят на меня как на пацана. Но если там техника, если там что-то сломано – я разберусь. Только бы не оказаться бесполезным. Напротив стоял профессор Элиас Грей. Седые волосы в хвосте, очки на кончике носа, глаза – два тёмных колодца, где давно утонула всякая надежда. Они сильные. Но они не видели того, что видел я. Они думают – война. А это... нечто, что ломает саму ткань реальности. Я должен сказать. Хотя бы попытаться. – Все, – голос Грея упал в тишину, как камень в воду. – Для меня честь быть среди вас. Но без иллюзий. То, что вы услышите, вы не сможете забыть. Никогда. Пауза. Никто не шевельнулся. – Подпишите сначала. – Он разложил пачки документов. – Неразглашение. Третий уровень. Без подписи – уходите сейчас. И больше никогда не услышите об этом. Рейнс

взял ручку первым. Подпись вышла резкой, почти рваной. Подписал. Теперь назад дороги нет. Брок фыркнул, пробормотал «бумажная война» и чиркнул свою – лист смялся под пальцами. Подписал – значит, работа. Значит, стрелять придётся. Слим расписался молча, взгляд метнулся к двери. Подписал. Теперь я в ловушке. Как всегда. Харрис вздохнул тяжело, подпись вышла медленно, словно прощание. Ещё один крест. Ещё одна клятва молчать о том, о чём нельзя молчать. Кид колебался дольше всех. Взгляд бегал по строчкам, потом сдался и нацарапал имя дрожащей рукой. Подписал. Теперь я в деле. Боже, пусть это будет стоящее. Грей собрал бумаги. Аккуратно. Как будто это могло что-то изменить. – Месяц назад Каменсток исчез. – Голос Грея стал ниже, почти шёпот. – Не разрушен. Не сгорел. Просто... пропал. Ни кратера. Ни пожара. Ни тел. Ни крови. Ни осколков. Только тишина. И в центре этой тишины – зеркало. Брок наклонился вперёд, дыхание тяжёлое. – Какого размера? – хрипло спросил он. – Достаточно большое, чтобы отразить весь город. И... искажённо. Там были тени. Которых здесь не существовало. Тени, которые двигались, когда никто не смотрел. Слим перестал вертеть ножом. – Спасатели Пропали. Полиция. Пожарные. Все. Тогда послали военных. – Первый солдат... – Грей сделал вдох, голос дрогнул. – Подошёл. Протянул руку. Коснулся стекла. И его втянуло. Как в воду. Мы слышали крик – долгий, удаляющийся. Потом – ничего. Он исчез. Полностью. Но эхо его голоса... оно не было человеческим. Харрис сглотнул. Первый отряд. Элита. Они тоже коснулись зеркала. И пропали. В радиусе тридцати километров – мёртвая зона. Спутники слепнут. Радио молчит. Компасы сходят с ума. А иногда... они показывают направления, которых не существует. Кид выдохнул тихо: – И никто не вернулся? Грей покачал головой. – Вторая группа вернулась частично. Трое из десяти. Те, кто выжил... были сломлены. Говорили о существах. Похожих на людей. Лица тают, как воск. Глаза – пустые. Они не спали. Не ели. Только шептали: «Она смотрит». Шепот, который не звук, а вибрация в голове. Вибрация, которая заставляет вспоминать вещи, которые ты никогда не знал. Рейнс заговорил первым. Голос ровный, но в нём звенела сталь. – А теперь – мы? Грей кивнул. Медленно. Как будто каждое движение причиняло боль. – Две недели назад... два события. Первое – звонок. Агент из первой группы. Кодовое имя Грач. Связь рвалась. Он кричал: «Я жив... нашёл... это изменит всё человечество... Красная комната... больница... день пути от зеркала... вытащите меня... я не продержусь...» В комнате похолодело. – Второе... – Грей опустил взгляд, пальцы сжались. – В ту же ночь из зеркала вышел он. Грач. Но это был уже не он. Тело искусано человеческими зубами. Порезы. Символы, выжженные на коже – символы, которые меняются, когда моргнёшь. Состарился лет на тридцать за две недели. Когда заговорил... слова били по мозгу. Люди падали в обморок. Рвало. Мы вкололи транквилизатор. Брок стиснул зубы – скрип зубов Брока эхом отозвался в тишине – единственный звук, который осмелился нарушить мёртвую пустоту. – И что он сказал... когда очнулся? – Ничего. Только: «Уберите зеркала. Всё, что отражает». Мы завесили всё. Я спросил: «Что там, сынок?» Он посмотрел мне в глаза. Я забыл снять очки. В линзах отразилось его лицо. И он сломался. Глаза налились кровью. Закричал: «Она идёт... она идёт... она уже здесь...» Грей замолчал... – Его тело поднялось в воздух. Руки и ноги вывернулись неестественно. Кости хрустели, как сухие ветки. Потом тело упало. Свет погас. И на миг... я увидел её. Силуэт женщины. Тёмный, как дым. Но живой. Не женщина – нечто, что притворяется. Я стоял, и все мои страхи полезли наружу. Даже те, что я забыл в детстве. Запах гнили. Холод по позвоночнику. И шепот в голове – не слова, а знание, которое мозг не может вместить. Знание о том, что реальность – тонкая плёнка, а под ней... бездна, где нет места человеку. Харрис прошептал: – Официально... от сердца? – Официально – да. Но это не сердце его убило. – Грей поднял взгляд. В глазах стояли слёзы. – После этого я не сплю. Совсем. Потому что во сне она не имеет лица. Потому что лицо – это то, что мы придумали, чтобы не сойти с ума. Тишина стала невыносимой. – Зеркало не уничтожить. Оно прибито к земле. К тому месту, куда упало. Мы посылаем вас – последний отряд. Выяснить, что там. И постараться уничтожить зеркало. Если не вернётесь... проект закроют. Навсегда. Рейнс встал

первым. Остальные поднялись следом – движения тяжёлые, будто воздух стал свинцом. Слим тихо спросил: – Если она смотрит... то уже на нас? Грей не ответил. Только кивнул. – Когда выходим? – голос Рейнса прозвучал как удар. Грей посмотрел на часы. – Через пару часов. Зеркало ждёт. В комнате пахло уже не табаком и кофе. Пахло тем, что приходит, когда реальность начинает трещать по швам. Зеркало ждало...

Глава 2. Подготовка

Рейнс шагнул первым. Молча взял автомат М4А1 – чёрный, с глушителем. Проверил затвор – щелчок сухой, знакомый. Пистолет – Берета М9, магазин расширенный, 20 патронов. Сунул в кобуру. На столе лежал его старый компас – механический, с трещиной на стекле. Он взял его тоже, сунул в карман. Техник молча протянул форму. Рейнс расписался резким росчерком. Техник открыл ящик с гранатами – зелёные, матовые, с чекой. – Четыре, сержант. Две осколочные, одна дымовая, одна световая. Больше не дам – вес убьёт быстрее, чем враг. Рейнс взял всё, зацепил на разгрузку. Гранаты оттянули ткань. – Следующий. Брок шагнул, пол скрипнул под ним. Техник кивнул на стеллаж. – Твой малыш. Две коробки по двести. Не потеряй. М249 лежал на полке – тяжёлый, матово-чёрный, сошки сложены, лента уже заправлена. Брок взял его двумя руками, как ребёнка. Прижал к груди на миг – будто проверял, дышит ли он. Потом – пистолет пустынный орел.50, огромный, никелированный. Ухмыльнулся криво. – Если уж стрелять... – пробормотал он тихо, почти себе. Техник подал гранаты – четыре штуки. Две осколочные, две дымовые. Брок закинул их на пояс, но движение было уже механическим. Гранаты звякнули о пластины брони – тяжёлые, как приговор. "Хватит, чтоб разнести полкомнаты", – подумал он, но ухмылка дрогнула. Расписался. Пальцы оставили влажный след на бумаге. Харрис подошёл медленно. М4А1 взял без эмоций, Берету – тоже. Но основной его груз – рюкзак. Техник молча подвинул его: жгуты, кровоостанавливающее, морфин, кетамин, ампулы с транквилизатором – те, что вкалывают лошадям. Харрис проверил содержимое, кивнул. – Это всё? – спросил тихо. – Всё, что осталось, – ответил техник, не поднимая глаз. Харрис покачал головой на гранаты. – Одну дымовую. Больше не нужно – мне таскать раненых. Техник молча подал одну. Харрис сунул в боковой карман рюкзака. Кид – последний из троих. Взял карабин, Берету. Потом техник подал ему сумку: дрона в кейсе, набор взлома. Кид проверил батареи. – Зарядил? – спросил Рейнс. – Да, сержант. Всё на максимуме. Техник подал гранаты – четыре. Одна осколочная, две дымовые, одна световая. Кид зацепил их к разгрузке. Холод металла пробрался сквозь перчатки. Слим стоял в стороне – он подошёл последним. Винтовка М110А1 – полуавтомат, прицел ночной, глушитель. Берета с расширенным магазином – 32 патрона. Он взял винтовку, проверил затвор, кивнул. Ничего не сказал. Техник протянул ему две дымовые и одну световую. Слим молча взял, зацепил на разгрузку. Техник закрыл журнал. Посмотрел на всех. – Всё. Вы расписались. Теперь это ваше. И ваше навсегда. Дверь за ними закрылась. В коридоре стало тише. Только дыхание – тяжёлое, неровное. Оружие висело на них, как приговор. Гранаты оттягивали разгрузки – тяжёлые, холодные, как будто уже считали секунды до того, как их бросят в пустоту. Они вышли из оружейной молча, эхо шагов отдавалось в узком коридоре бункера – как последние удары сердца перед агонией. Бункер был старым, вырытым в скале ещё в холодную войну, стены покрыты слоем пыли и воспоминаний о кризисах, которые так и не случились. Здесь всё было серым: серый бетон, серые лампы, серый воздух, пропитанный запахом ржавчины и электричества. Брифинг прошёл в одной из комнат наверху, оружейная – внизу, как будто спуск уже был репетицией падения в бездну. Теперь они поднимались: лестница, дверь, и наконец – выход на поверхность, где ждал грузовик. Грузовик стоял под навесом, – без опознавательных знаков, с усиленной бронёй и шинами, которые

могли ехать даже после взрыва. Двигатель уже работал, низкий гул вибрировал в воздухе. Они забрались внутрь: Рейнс за рулём, Брок рядом, остальные в кузове на скамьях. Дверь захлопнулась с металлическим лязгом, и машина тронулась, выезжая в ночь. Дорога была узкой, петляющей через леса и холмы, где деревья казались тенями, а небо – слишком низким, слишком тёмным, как будто оно уже знало, что они едут к тому, что смотрит обратно. Около часа езды – время, которое казалось вечностью. Рейнс вёл молча, но через полчаса, когда грузовик трясся по ухабам, он повернулся к отряду, голос ровный, как сталь. – Ладно, господа, слушайте. Две группы не вернулись. Вы все слышали на брифинге – первая элита, вторая частично, но те, кто вышел, были сломлены. Они говорили о вещах, которые не имели смысла. Там нас ждёт жара, но не та, к которой мы привыкли. Не пули, не бомбы – нечто, что ломает изнутри. Мы – последняя точка. Когда всё плохо, когда никто не справляется с поставленной задачей, зовут именно нас. Потому что мы те, кто не уходит, пока не закончит. Кто, если не мы?! Брок фыркнул с пассажирского сиденья, его огромная фигура еле помещалась в кабине. Пулемёт лежал на коленях, как верный пёс. – Жара? Ха, сержант, это как в том баре в Багдаде, помнишь? Когда баба с гранатой зашла, а мы подумали – официантка. Только здесь официантка с глазами вместо головы. Давайте взорвём эту чертовщину и уйдём домой к пиву. Смех вышел грубым, но в нём сквозила трещина – как будто Брок сам не верил своим словам. Остальные усмехнулись, но улыбки были фальшивыми, как маски. Харрис смотрел в окно, на мелькающие деревья, которые казались слишком живыми, слишком шевелящимися в темноте. – Пиво? – подхватил Слим тихо, вертя нож в пальцах. – Если вернёмся, я проставлюсь. Но что-то мне подсказывает, что там не бар, а... что-то, где пиво не пьют. Кид кивнул, но его руки лежали на сумке с дроном, пальцы сжимали ткань. "Кто, если не мы?!" – эхо слов Рейнса висело в воздухе, но оно не вдохновляло. Оно давило, как знание, что ты – последняя линия, за которой уже ничего нет. Дорога закончилась внезапно – лес расступился, и впереди возникло ограждение. Бетонные стены, высотой в двадцать метров, увенчанные колючей проволокой под током, прожектора били в ночь, как глаза, которые не моргают. КПП – два, один за другим, с шлагбаумами, пулемётными гнёздами и солдатами в полной экипировке. Они были вооружены до зубов: М4 с оптикой, дробовики, гранатомёты АТ4 на плечах. Собаки – немецкие овчарки, чёрные, как тени, – лаяли на грузовик, пасти в намордниках, но глаза горели, как будто они чувствовали, что за оградой – не место для живых. Солдаты проверили документы молча, без слов – только кивки и сканирование ретины. Грузовик проехал через ворота, и мир изменился. В воздухе висел запах – не озона, не дыма, а чего-то чуждого, как гниль из другого измерения. Они выехали на площадь, где раньше был город, но теперь – пустота. Зеркало стояло в центре, огромное, как портал в ничто. Рама – переливающийся металл, не ржавый, но древний, как будто вырванный из недр звезды. Поверхность гладкая, без царапин, но в ней отражался не этот мир: тени зданий, которые исчезли, силуэты людей, замершие в позах ужаса, указывающие пальцами, прижимающие детей. Эти тени не двигались, но в них было что-то живое – голодное, шепчущее на краю сознания. Кровь стынет в жилах – ничего подобного они не видели. Не оружие, не поле боя – нечто, что смотрело обратно, искажая реальность. В отражении небо было красным, звёзды – глазами, а луна – насмешливой ухмылкой. Рация на поясе Рейнса внезапно ожила – шепотом. "Ты уже здесь... ты всегда был здесь..." Рейнс выключил её, но шепот не утих – он шёл от зеркала, из глубины, где тени шевелились на краю зрения. Они вышли из грузовика, ноги не слушались – как будто земля тянула вниз, в недра, где спят древние. Солдаты на постах отводили взгляды, собаки скулили, не подходя ближе. Отряд приблизился неохотно, шаг за шагом, как мотыльки к лампе, которая жжёт. Брок сжимал пулемёт, Кид – сумку, Харрис – рюкзак, Слим – винтовку, Рейнс – компас, который теперь крутился безумно, показывая направления, которых нет. – Время, – сказал Рейнс тихо. – Касайтесь одновременно. Они протянули руки – пальцы дрожали. Коснулись отражения все разом. Жуткая боль – не огонь, не удар, а эрозия самого "я", как будто реальность стирала их слой за слоем. Чёрная вспышка – не свет, а

отсутствие всего, бездна, которая проглотила мир. Тени в зеркале шевельнулись, приветствуя. И они провалились.

Глава 3. Долина теней

Они очутились в комнате, где не было света. Тьма здесь была не просто отсутствием – она дышала, давила неестественной чернотой, словно воздух превратился в густые чернила, которые медленно просачивались в поры кожи, в мысли, в самую суть. Рейнс почувствовал, как сердце стучит чаще, чем следовало. Это было не место – это была пустота, где реальность начинала терять края. – Фонарик не работает, – произнёс сержант тихо, и его голос отозвался странно – приглушённо, как сквозь толстую воду. – Слим, врубай осветитель. Слим не заставил ждать. Пальцы быстро нащупали в сумке сигнальную ракету. Щелчок – и красный огонь взвился с шипением, выпуская густой дым. Свет вспыхнул, но не разогнал тьму полностью – лишь отодвинул её на шаг, открыв чёрный каменный пол под ногами. Камень жадно глотал пламя, не отражая его. На поверхности проступали тонкие трещины, похожие на вены под кожей, и от них тянуло холодом, который медленно полз вверх по ногам, нашептывая забытые воспоминания о местах, которых никогда не было. Рейнс обернулся, оглядывая отряд. Несмотря на привычный холодный расчёт, здесь что-то ломало контроль. Взгляд встретился с Брокком – гигант стоял неподвижно, пулемёт в руках, лицо как маска спокойствия. Это спокойствие передалось Алексу, словно тихая волна, на миг оттеснив страх. – Все целы? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. – Да, сер! – ответили разом, но в хоре проскользнула едва заметная трещина сомнения. – Где мы, чёрт побери? – прошептал Слим, оглядываясь в клубы дыма. Брок сжал пулемёт чуть сильнее и пробормотал, почти себе под нос: – Не нравится мне это всё... Доктор Харрис шагнул ближе, его голос дрогнул: – Согласен с бугаем. Отсюда надо уходить. Что-то не так. Мгновение назад мы были на пустыре у зеркала, а теперь... в пустоте. Рейнс кивнул, собирая мысли. Это не Ирак. Здесь нет врага, которого можно перестрелять. Или есть? – Что ж, господа, давайте выбирать. Дым от сигнальной ракеты тянет вперёд – значит, там, скорее всего, выход. Замыкаем цепочку, руки на плечи. Готовимся ко всему. Стрелять – только в крайнем случае, по необходимости. Отряд двинулся. Сигнальная ракета потихоньку захлёбывалась – пламя трепетало, как умирающее сердце, изрыгая последние вспышки красного света, которые медленно угасали, оставляя после себя едкий дым и нарастающую тьму. Каждый шаг отдавался в пустоте, но звук был неправильным – приглушённым, будто пол крал часть их движения, впитывал его в себя. Они шли, и холод пробирал всё глубже – не просто мороз, а нечто чуждое, как дыхание из другого мира, где тепло давно стало иллюзией. В воздухе висел странный запах: металлическая горечь смешивалась с гнилью, словно сама тьма медленно разлагалась. Но хуже всего было ощущение – неотступное, ползущее по спине: будто во тьме вместе с ними кто-то движется. Невидимый, неслышный, но реальный. Шаги за спиной, которые затихали, когда отряд останавливался. Шёпот на краю слуха – не слова, а вибрация, напоминающая имена, которые ты забыл. И эта вибрация не просто звучала – она переписывала воспоминания: на миг Рейнс вспомнил детство, которого у него никогда не было, дом, которого не существовало, мать, которая умерла, когда ему было три, но вдруг заговорила с ним голосом, которого он никогда не слышал. Она сказала: «Ты уже пришёл. Ты всегда был здесь.» Рейнс оглянулся раз – ничего. Но в глазах Слива мелькнул тот же страх. – Сержант... у меня ощущение, что мы уже шли здесь. Раньше. Как будто круг, – тихо сказал Харрис. – Молчи, док. Не накручивай, – отрезал Рейнс. Но в мыслях: А если он прав? Если мы уже мертвы и просто не знаем? Наконец впереди проступила небольшая металлическая дверь. Она была закрыта, поверхность покрыта странными символами, которые

на миг вспыхнули в свете сигнальной ракеты – и тут же погасли, как воспоминание. – Кид, твоя очередь, – сказал Рейнс. Молодой инженер кивнул, шагнул вперёд и взломал замок. Дверь скрипнула, открываясь с лёгким вздохом, будто выпустила воздух из лёгких. Ракета погасла мгновенно, как задутая свеча, оставив их в темноте на долю секунды. А потом... Сначала они увидели снег – серый, как пепел, не отражающий света. Потом – очертания. Тела. Не просто тела – они лежали так, будто ждали гостей. Некоторые ещё дымились. Другие – скелеты, но кости не белые, а чёрные, как будто их выжгли изнутри. А над всем этим – красное знамя. Как будто время здесь сломалось и начало течь в обратную сторону. Солдаты вдохнули снежный воздух, переглянулись в недоумении. Холод здесь был ещё острее, но теперь он смешивался с запахом смерти – сладковатой гнили и металлической крови. – Где мы в конце-то концов? – спросил Слим спокойно, но с напряжением в голосе. – Что ж, господа, это нам предстоит выяснить в первую очередь, – ответил сержант, стараясь звучать уверенно. – Кид, попробуй запустить дрон, – добавил он. – Есть, сер! – Кид принялся за дело, пальцы летали по пульта. – Так, остальным... Брок перебил: – Сэр! – Что?! – Солнце... Оно... оно голубое... Все разом подняли головы. Небо было странным: облака неслись с безумной скоростью, будто пытались сбежать из этого мира. А в центре, сквозь них, в вышине сияло солнце – голубым, холодным светом. Этот свет обжигал кожу не теплом, а морозом, проникающим в поры, в кости, в разум. Чувство было как в кошмаре, где всё знакомо, но искажено. Рейнс уставился на него – и мир раскололся. Боль в голове была не болью – она была взрывом, который разрывал череп изнутри. Кровь хлынула из носа горячей струёй, заливая губы, подбородок. Ноги подкосились. Тело стало чужим, тяжёлым, как будто его залили свинцом. А потом реальность лопнула. Ирак. Тот день, который он прятал глубже всего. Жара стояла такая, что воздух дрожал, как от пламени. Рота шла по дороге, которую разведка назвала «чистой». Рейнс шёл впереди, как всегда – первый, кто видит, первый, кто умирает. Всё было спокойно. Слишком спокойно. А потом небо раскололось. Не артобстрел – нечто большее. Взрывы были не взрывами – они были воплями, которые проникали в голову, заставляли вспоминать лица, которых ты никогда не видел. Первый снаряд упал в центр колонны. Бойцы падали один за другим – не от осколков, а от знания: что-то смотрит на них, что-то старше человечества, что-то, что не нуждается в оружии, чтобы убить. Рейнс видел, как его лучший друг, Майкл, упал на колени, зажимая уши, крича: «Оно знает моё имя! Оно знает, что я сделал!» – и потом его голова лопнула, хотя рядом не было ни осколка. Кровь брызнула на Рейнса, горячая, живая, и он почувствовал, как она шевелится на коже, как будто пытается проникнуть внутрь, впитаться, узнать его вкус. Он бежал. Бежал по телам своих, по крови, которая не была просто кровью – она шевелилась, тянулась к нему, шептала: «Ты следующий». Каждый шаг был предательством – он оставлял своих, чтобы выжить. Последний, кого он видел, был молодой рядовой, почти мальчишка. Он лежал на спине, с голубыми глазами, полными ужаса, и шептал: «Сэр... оно уже здесь... оно всегда было здесь...». Рейнс не остановился. Он прорвался к жизни, оставив за спиной стонущих в агонии, тех, кого он должен был защитить. И с тех пор каждый раз, когда он закрывал глаза, слышал этот шёпот: «Ты оставил нас. Ты оставил нас всех». Теперь, в долине, под этим голубым солнцем, воспоминание смешалось с реальностью. Он увидел своих бойцов – не в Ираке, а здесь, среди трупов. Майкл стоял на коленях, зажимая уши, голова уже лопалась, кровь текла по лицу. Рядовой смотрел на него снизу вверх, с теми же голубыми глазами. И все они шептали одно и то же: «Ты оставил нас. Ты оставил нас всех». Но хуже всего было то, что их лица начали таять – от знания: знание о том, что война в Ираке была не войной, а пробой, репетицией чего-то большего, что теперь пришло сюда, в эту долину, под это солнце, которое не солнце. Оно было тем же самым, что смотрело тогда, в пустыне – древнее, голодное, терпеливое. Оно ждало, пока он не посмотрит прямо в него. И теперь оно дождалось. Рейнс упал на колени в серый снег. Кровь из носа капала на землю, и снег вокруг неё начал шевелиться – как будто впитывал её, как будто узнавал вкус. Он

попытался встать, но тело не слушалось. Мир вокруг сжимался, сужался до точки – голубого солнца, которое смотрело на него и знало всё: каждую ошибку, каждую смерть, которую он не смог предотвратить. Харрис подбежал: – Сержант! Он поднёс к носу Рейнса ампулу с резким запахом. За доли секунды разум проявился, хотя голова всё ещё ныла, а в ушах стоял шёпот: «Ты оставил нас...» – Что происходит? – пробормотал Алекс, вставая. – Вы отключились. Видимо, солнце голову напекло, – сказал Брок, но в голосе сквозила неуверенность. – Это не солнце, – пробормотал Кид, отводя взгляд от неба. – Это... нечто, что притворяется солнцем. Оно смотрит. Не просто светит – смотрит, как будто знает, что мы думаем. Брок кивнул: – Аминь! Чувствую, оно смотрит на нас, как на мясо. Брок зажмурился: – Оно... оно смотрит мне в глаза. Как будто знает, что я боюсь темноты с детства. Харрис прошептал: – Мои руки... они не мои. Они помнят, как резали людей, которых я пытался спасти. Кид добавил тихо: – Я вижу формулы... формулы, которых не существует. Они решают меня, а не я их. Рейнс вытер кровь с лица. – Кид, что с дроном? – Сэр, я вижу картинку. На удивление, он запустился. Сзади нас – сплошной лес и горы. А впереди, примерно 30–40 километров, очертания города. Живых целей не вижу. Земля усеяна трупами – тут явно случилась бойня... – Ладно, молодец. Спускай птичку. Выдвигаемся к городу. Следите за всем. И Бога ради, не смотрите на солнце – что-то с ним не так. Заметьте что-то странное – сразу докладывайте, даже если кажется, что вам что-то показалось! – Есть, сэр! – ответили все разом. И отряд двинулся через долину, усеянную трупами. Каждый шаг был пыткой – снег хрустел под ногами, как ломкие кости, и от этого звука мурашки ползли по спине. В воздухе висел запах смерти, смешанный с чем-то металлическим, чуждым. А в глубине души не покидало ощущение, что они не одни – что-то шевелится в тенях между телами, смотрит, наблюдает за ними. Они шли – и шли, и шли. Трупы лежали не хаосом, а узором: все в одной форме, рты разинуты, глаза ввалились внутрь, будто каждый в последний миг увидел себя – настоящего, того, кого прятал всю жизнь. Ни пуль. Ни ран. Только это выражение: знание, которое убивает без оружия. Молчание висело тяжёлое, как воздух перед бурей, которую не увидишь. Слова тонули в снегу, не родившись. Только дыхание – белое, цепкое, оно не рассеивалось, а цеплялось за лица, как паутина воспоминаний. Рейнс шёл первым, но теперь каждый шаг отзывался эхом в голове: не его шаг, а чей-то чужой. Он чувствовал, как левое плечо тянет вниз – не от усталости, а от того, что внутри шевелится вина Ирака. Майкл стоял там, среди трупов, голова лопнула, но шептал: «Ты оставил нас. Но мы не ушли. Мы ждём здесь.» И Рейнс знал: это не галлюцинация. Это правда, которая всегда была с ним, а теперь вышла наружу. Харрис шагал рядом, но его руки дрожали. Он видел, как пальцы удлиняются, становятся чужими, помнящими скальпели, которые резали не для спасения, а для... чего? Воспоминания о пациентах, которых он "спас", но на самом деле сломал. Один из трупов поднял голову – лицо его бывшего пациента, шепчет: «Ты не доктор. Ты мясник. И мы все здесь – твоя работа.» Харрис моргнул – труп лежал неподвижно. Отряд вышел на гребень холма – не холма даже, а какой-то уродливой возвышенности, выпирающей из серого снега, словно кость, давно вытолкнутая землёй наружу. Внизу, в котловине, лежал город – или то, что когда-то носило это имя. Четырёхэтажные коробки из красного кирпича, скученные, как надгробия на заброшенном погосте, тянулись рядами, но ни одно окно не светилось, ни один дым не поднимался из труб. Время взяло своё с беспощадной медлительностью: стены осыпались, крыши провисли под тяжестью лет, а плющ – не обычный, а какой-то чёрный, маслянистый, с листьями, похожими на высохшие пальцы, – оплёл фасады, проник в трещины и, казалось, медленно высасывал остатки тепла из камня. Природа не просто вернулась – она захватила, поглотила, переварила, оставив лишь оболочку, в которой ещё теплилось эхо былой человеческой гордыни. Рейнс – поднял руку. Голос вышел хриплым, будто горло выстлало песком из той долины: – Дрон. Ближе. Посмотрим. Кид опустился на колено, пальцы замерли над пультом. Аппарат взлетел с тихим гудением, ушёл вниз, к городу, и экран на планшете ожил серыми тонами. Ров окружал котловину кольцом – не

просто ров, а провал шириной в добрую сотню метров, глубиной, которой не видел глаз. Дно его терялось в сумраке, но там шевелилось нечто густое, чёрное, как жидкая смола, в которой изредка всплывали белые обломки – кости? черепа? – и тонули вновь. Ни воды, ни грязи: только эта неподвижная, пульсирующая масса, от которой поднимался слабый, едва уловимый запах ржавчины и забытых молитв. Через ров тянулся мост – металлический, ржавый, длиною почти в километр, прямой, как натянутая струна, но уже давно треснувший по швам. Машины забили его наглухо: бронетранспортёры вперемешку с гражданскими седанами, грузовики, перевернутые джипы – всё смешалось в одной мёртвой пробке. В некоторых кабинах виднелись останки – не разлагающиеся тела, а сухие, выцветшие скелеты, всё ещё сжимавшие рули или прижимавшие к груди несуществующих детей. Пулемётные гнёзда – два на въезде, два ближе к городу – стояли пустыми, но в одном из них скелет без левой руки вдруг шевельнулся, будто прислушиваясь. Рукава с выцветшими звёздами – висели лохмотьями, но кости держались прямо, как будто ждали приказа. За мостом возвышались ворота – десятиметровые, из толстого металла, давно проржавевшего до красного цвета. В них зияла брешь, достаточно широкая, чтобы пропустить отряд, но края её были неровными, словно выгрызенными. По бокам – две вышки, стрелковые, с платформами, где когда-то стояли часовые. Теперь там торчали только стволы пулемётов, направленные в никуда, и на одной из крыш кто-то когда-то нацарапал огромный СОС – буквы белой краской, теперь облупившейся, но всё ещё читаемые, как последняя мольба, обращённая к небу, которое давно отвернулось. На стенах зданий за воротами – засохшая кровь, чёрные потёки, будто город истекал ею медленно, годами. Скелеты в военной форме лежали у окон, на балконах, на крышах – некоторые ещё держали оружие, другие просто смотрели в пустоту, где когда-то было небо. Кид вернул дрон. Камера развернулась – и экран показал то, от чего пальцы оператора разжались. Позади отряда – не долина. Не холм с флагом. Не снег, усеянный трупами. Лес. Густой, чёрный, с деревьями, чьи стволы изгибались неестественно, как позвоночники в агонии. Он стоял стеной, ближе, чем должен был, и двигался – медленно, но неотвратимо, корни ползли по снегу, ветви шевелились, словно пальцы слепого, ищущего лицо. Ни тропы, ни следов их ног – только этот лес, который следовал за ними всё время, подстраиваясь под каждый шаг, пожирая пройденное пространство. Кид сорвал взгляд с экрана, обернулся. Остальные четверо стояли в оцепенении – Рейнс, Брок, Харрис, Слим – лица белые, как снег. В воздухе повисло молчание, густое, как та чёрная масса в рве. Никто не сказал ни слова. Но каждый знал: пути назад нет. Рейнс моргнул, реальность лопнула, как пузырь. Он осознал суть происходящего – Спускаемся к городу, быстро! – рявкнул Рейнс. – Через мост, если он там. Кид, возвращай дрон и за нами! Кид кивнул, пальцы метнулись по пульту. Дрон послушно развернулся, жужжание утихло, он сел на землю у его ног. Кид схватил его, сунул в сумку и побежал, ботинки хрустели по пеплу забытых миров. Отряд двинулся – сначала шаг, потом бег, ноги тяжелели, как будто земля цеплялась за них, шепча: "Останьтесь... вы уже наши". А за спиной лес приближался. Сначала медленно, как дыхание спящего зверя – деревья, чёрные, высохшие, ветки извивались, как вены под кожей, тянулись вперёд, не ломаясь, а растягиваясь, как ткань реальности, которую кто-то рвал. Они касались облаков, густые, переплетённые, закрывая каждый лучик этого неумолимо обжигающего солнца. Тьма накатывала волнами – не ночь, а отсутствие света, где тени имели вес. Лес не двигался – он рос, пульсировал, шепот листьев (если это были листья) сливался в вибрацию: имена, воспоминания, которые не принадлежали им. "Ты оставил нас... ты уже здесь... дай кровь..." – Быстрее! – крикнул Рейнс, лёгкие горели, – от холода, который полз по венам. Они добежали до моста – старого, металлического, перекинутого через трещину в земле, которая казалась не рекой, а раной в мире. Машины стояли здесь – ржавые скелеты, покрытые снегом-пеплом, все смотрели в одну сторону, все пытались въехать в город. Ворота на той стороне – пробоина, как от взрыва, но края не оплавленные, а тающие, как воск. Отряд пробежал через мост, металл гудел под ногами, как будто отвечал на вибрацию леса. Лес

тем временем ускорялся – ветки хлестали воздух, тьма сгущалась, небо исчезало под чёрным пологом, лучи голубого солнца угасали один за другим, как глаза, которые моргают в последний раз. – Что за чертовщина творится?! – заорал Брок, оборачиваясь на бегу, пулемёт болтался на плече, гранаты звякали. – Лес... он живой! Как такое возможно? Сержант, это же не... не наш мир! – Молчи и беги! – отрезал Рейнс. Не смотри назад! Харрис споткнулся, но Слим подхватил его, рюкзак медика качнулся, ампулы внутри звякнули. "Как такое возможно? – подумал Харрис. – Реальность не должна двигаться. Но здесь она... шевелится, как тело под скальпелем, которое не хочет быть зашитым". Кид бежал последним, сумка с дроном била по бедру, батареи внутри казались холоднее, чем раньше. Они проскочили ворота – город открылся перед ними, руины, где здания стояли, но не стояли: стены изгибались под углами, которых не бывает, улицы петляли, как вены. Лес за спиной замедлился, но не остановился – ветки тянулись, касаясь краёв пробоины, шепот утих, но эхо висело в воздухе, как дым. Отряд остановился, дыхание рвалось, сердца колотились, как барабаны в пустоте. Руки на оружии, глаза дикие – они переглядывались, как люди, которые только что видели, как мир ломает свои правила. – Что за чертовщина тут творится? – выдохнул доктор Харрис, оглядываясь через плечо. Голос его эхом отразился от стен домов, но звучал приглушённо, будто город глотал слова. – Мы шли столько времени, как мы не могли не заметить, что лес шёл за нами по пятам?! Рейнс, тяжело дыша после бега, привалился к стене ближайшего здания. Лёгкие горели, а в голове пульсировала боль – эхо того воспоминания в долине. – Я не знаю, док. Но это... это не лес. Это нечто... – Ребят, посмотрите вверх! – крикнул Кид, его голос сорвался на фальцет. – Нет, – отрезал сержант, не поднимая глаз. – Солнце с ним... – Да нет, говорю, становится темнее! Ветки закрывают небо, они накрывают город! Все разом подняли головы – и мир сжался. Ветки леса, те самые, что раньше маячили на горизонте, теперь тянулись вдоль неба неестественно, необъяснимо, как щупальца из бездны. Они извивались, переплетаясь в паутину, блокируя голубой свет солнца, которое и так жгло разум. Становилось темно, будто наступила ночь через мгновение – и так оно и произошло: полная, крошечная тьма, густая, как чернила, просачивающаяся в поры. Город теперь выглядел ещё зловещее: силуэты зданий казались тенями забытых воспоминаний, а улицы – венами, пульсирующими под кожей мира. – Так, парни, оставаться тут нельзя, – сказал сержант, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Нам нужен привал. Надо найти безопасное здание. – Как насчёт того? – Брок указал на полицейский участок в конце улицы, его громоздкий силуэт едва виднелся в сумерках. – Думаю, сойдёт. – Вперёд. Двигаемся осторожно. Фонарики снова не работали – батарейки будто высосали. Видимость была плохая, но всё же хватало, чтобы различить контуры. Отряд нехотя двинулся по улицам в сторону участка, ступая тихо, как по минному полю. Снайпер, шедший позади всех, на мгновение отвлёкся на отражение в окне здания. В темноте оно казалось зловещим, тревожным – стекло не просто отражало, а смотрело, как глаз, приоткрытый в полумраке. На миг ему показалось, будто оно смотрит на него и вовсе не собирается повторять за ним действия. По спине пробежал холодок, липкий, как пот от кошмара. Он отвёл взгляд в сторону своего отряда – те уже были на приличной дистанции. И в тот самый момент краем глаза зацепился за то, что отражение не повторило его движение. Страх ударил, как током: он испугался, навёл оружие на отражение, попытался закричать, позвать на помощь, но отражение приставило палец ко рту – мол, молчи, тихо! Оно стало идти к нему, пытаясь пройти через стекло, поверхность которого пошла рябью, как вода в пруду, куда бросили камень. Слим прорычал: – Стой! Но оно не остановилось, лишь зарычало словно зверь, ускорившись. – Стой, чёрт побери! – Он выстрелил. Пуля пробила стекло, попав в отражение, задев его плечо, но оно всё равно продолжало идти вперёд. Он выстрелил снова, уже в грудь, целясь в сердце – и тут пронзительная боль обрушилась на него. Он выронил винтовку, качнулся назад и упал. Отражение с задержкой повторило его движение. Из него поползла чёрная тень, которая нашла от пуль дыру в стекле и стала пробираться, вырисовываясь в неестественный силуэт человека

– высокого, искажённого, с конечностями, которые казались слишком длинными, слишком гибкими, как будто тело не знало анатомии. Слим хватался за грудь, задыхаясь. Винтовку не было видно – она где-то валялась на земле, но где?! Он начал, стиснув зубы, ползти назад. Тень стала двигаться в его сторону – мир будто замер и затих одновременно. Он вспомнил, что у него ещё есть пистолет, и, достав его из кобуры, открыл огонь по тени. Пули прошивали её насквозь, но толку от этого не было – она с каждым выстрелом всё быстрее и быстрее усиливала свой шаг. От её шагов земля вибрировала, тлела, как будто реальность горела под ногами. Оно почти добралось до Слима – тот, стиснув зубы, приставил пистолет к голове, зажмурившись, прошептал: – Я не сдамся тебе, тварь! И тут со всего маху ему кто-то ударил по лицу. – Очнись! Что за чертовщина тут творится? Ты в кого стреляешь?! Они вскрыли ещё одну световую ракету – Брок, весь на нервах, смотрел в сторону стекла, на котором остались пулевые отверстия. Отражения вели себя нормально. Кид стоял рядом, держа световую ракету кверху. Над Слимом стоял сержант Рейнс, рядом доктор Харрис. – У него шок. Что с тобой, сынок? – Я... я не знаю. Я звал вас. Я был не один. Оно было здесь – тень! Какая ещё тень, малыш? Тут только мы... Вдалеке от ворот и где-то в глубине города прозвучал душегубительный вой – похожий на волчий, но искажённый, как будто эхо из другого измерения. – Что за фигня? – Брок прижал пулемёт к плечу, прицеливаясь в сторону шума. Кид машинально тоже прицелился, не отпуская из другой руки сигнальную ракету, чей дым яростно взмывал вверх. Он нервно обернулся вглубь города. Сержант Рейнс напрягся, доктор тоже. – Так, отсюда надо срочно уходить, и чем быстрее, тем лучше. Мы на открытой местности. Давайте в сторону полицейского участка – осталось не так уж много... Вой стал ещё яростней и сильнее – теперь ощущение было такое, будто он был везде, эхом в голове, шепчущим имена, которые ты не хочешь слышать. Слим, ты можешь идти? – Не могу... сердце... мне плохо. – Так, ладно. Док, бери его винтовку. Брок, помоги ему. Тот быстренько закинул пулемёт за спину и поднял как пушинку с земли Слима. – Чтож, валим отсюда, парни... Они снова двигались быстро – можно сказать, бежали в сторону полицейского участка. Вой усиливался, вдалеке были слышны шаги – много шагов, словно шла толпа, но не людей, а чего-то, что помнило, как быть человеком. Двери забаррикадированы изнутри – их не открыть! – Ладно, найди окно! – крикнул сержант инженеру. Тот быстренько увидел на первом этаже окно: – Вон туда, скорее! Там решётка выгнута – мы сможем пролезть! Они быстро все подбежали к окну. Решётка была выгнута, но недостаточно, чтобы пролезть. Брок аккуратно положил на землю Слима: – Дайте я. Он схватился за решётку и с яростным рычанием вырвал её из стены. – Боже, Брок, ты точно человек? – иронично спросил Кид. Они быстренько влезли в окно, разбив стекло – оно хрустнуло под их ботинками. Потом затащили туда Слима, Брок залез последним. Сигнальная ракета осветила первый этаж: это был стандартный участок с приёмной, стульями, кучей столиков рабочих мест. Было очень тихо и спокойно – повсюду пыль, тут давно никого не было. Брок увидел большой железный шкаф рядом с окном: – Забаррикадируем окно, чтобы никто сюда не влез. Помоги мне, сержант. Рейнс подбежал – они с трудом сдвинули шкаф с места, но всё же смогли закрыть пробоину в окне, которую сами же и устроили. – Так, что с пацаном? Доктор уже осматривал Слима: – Думаю, стресс. Следов крови нет. Я дал ему успокоительное – думаю, минут двадцать, и он будет снова в строю. Что с ним такое случилось? Надо было быть внимательней – как он отстал от нас?! Почему никто не уследил... Брок пожал плечами: – Всё это мне не нрави... Снаружи вой усилился – был слышен бег и какой-то грохот. Отряд в страхе замолчал, смотря в сторону двери. Там явно кто-то был – и не один. Их была целая толпа, может и больше. Чувство у них было таким, будто они понимали: эти твари ищут именно их. Брок тихо прошептал: – Может, спустимся в подвал? Там забаррикадируемся? – Идея так себе, но думаю, других вариантов у нас нет. Так, хватай пацана и пошли. Только тихо! Они быстренько, тихонько прошли коридоры и подошли к подвалу. Киду снова пришлось поработать – но он без проблем смог взломать замок. Они вошли внутрь, закрыв за собой дверь. В подвале

было темно и холодно. – Чтож, не так уж и плохо. Всяко лучше, чем на улице... Подвал сержанту показался странным: длинный туннель, ведущий чёрт знает куда. Сигнальная ракета потихоньку начинала гаснуть. – Так, не нравится мне тут. – А какие есть варианты? Снаружи чёрт пойми что и хрен пойми сколько, – буркнул Брок. – Я, конечно, с пулемётом, но патронов у меня не думаю, чтоб на всех хватило. – Тихо, вы слышите? – сказал док. И вправду, сверху, откуда они вошли в здание, раздался грохот – будто кто-то перевернул металлический шкаф. Брок тут же сказал об этом: – Они внутри. Давай пройдем дальше – пути назад нет. Слим был на руках у Брока – он стонал от боли, не мог прийти в себя... – Ему похоже совсем хреново, – сказал Брок. – Чёрт, прям как в Ираке... – Ладно, погнали. Отряд незамедлительно ринулся вперёд. Туннель казался бесконечным. Брок бежал впереди с Слимом, позади док, потом Кид и сержант, который нервно оглядывался по сторонам. Они слышали, как кто-то бежал за ними. И вот они вышли к развилке – в целом туннель был узким... Дорога вела направо и налево... – Ох, выбор всей моей жизни, – засмеялся Брок. – Сержант, куда будем идти? Они на мгновение задумались: дорога во тьму – вот только где выход, если он вообще есть?! – Предлагаю направо, – сказал сержант. Док согласился, Кид тоже. Только Брок на мгновение посмотрел налево, но не стал ничего говорить и бегом пошёл направо. Сигнальная ракета потихоньку гасла, предательски мерцая в руке у Кида. Через некоторое время они добрались до тупика – просто стена с какими-то надписями и рядом лежал скелет с пистолетом в руке. По всей видимости, он пустил себе пулю в лоб. – Ооо, прекрасно. Мы выбрали путь, – зарычал Брок. Сзади слышны были шаги, которые бежали – они были уже очень близко. – Что будем делать, парни?! Брок положил у стены Слима – тот всё ещё стонал и что-то бредил... Брок взял пулемёт на изготовку: – Я предлагаю отбиваться, что бы ни было. Встанем в строй и угостим их свинцом... Сержант одобрительно кивнул. Он стал сзади, Брок впереди всех, пригнувшись на одно колено. Рядом док и Кид, который оглядывался на стену, смотря на символы, которые манили его – они казались знакомыми, но из другого мира, шептали формулы, которые решали не задачи, а реальность. В глубине коридора слышались приближающиеся шаги. Сержант дал приказ открыть ещё одну сигнальную ракету – она вспыхнула, залив коридор красным светом. Все были напряжены, целясь вглубь коридора. – Давайте, ублюдки, покажитесь, – шептал Брок. Нервы были на пределе... Как вдруг из тени стали проявляться силуэты – высокие, в лохмотьях, с изуродованной кожей, похожие на людей, но искажённые, как отражения в кривом зеркале. Чудовища стали появляться с клыками, как у волков, шипя и рыча – они бросились в сторону отряда, словно учуяли дичь. Но в их глазах не было голода животных – там была бездна, знание о вещах, которые ломают разум: тела дёргались, будто под ними шевелились другие формы, древние, нечеловеческие. Брок открыл по ним огонь первым. Вспышки на мгновение ярко осветили даль коридора, который был забит ими бесконечно – словно сама тьма двигалась на них. Чудовища взвизгивали от боли, падая на землю, пули прошивали их насквозь одного за другим. Пулемёт поливал их огнём, но те даже не думали останавливаться – тела корчились, но вставали снова, искажаясь ещё больше, как будто смерть была для них не концом, а трансформацией. Остальные ждали, пока Брок не закричит о перезарядке, чтобы в моменте открыть огонь, прикрыв его – так как тот и без них в данной ситуации неплохо справлялся. Тела чудовищ сыпались друг на друга, создавая пригорки, но лавина не кончалась: они бежали с невероятной яростью, шипя не слова, а вибрации, которые проникали в голову, заставляя вспоминать грехи, которых ты не совершал, лица, которых ты не знал. – Да сколько же вас?! – прорычал Кид, перезаряжаясь. – Сержант, может гранату? – предложил док, но голос его дрожал. – Да, но, может задеть нас, и всё может обрушиться... – отрезал Рейнс. – Пока не истратим все магазины, будем отбиваться. Понял. С невероятной яростью они бежали, не заканчиваясь – словно лавина из бездны, где количество не имеет смысла, а только давление, которое ломает не тела, а саму идею выживания. Пулемёт Брока ревел, как зверь, отбрасывая вспышки, которые на миг показывали истинные формы: не монстры, а пробой в реальности,

где под кожей шевелились тени зеркал, отражающие не этот мир, а тот, где отряд уже проиграл. Слим у стены стонал громче, его бред сливался с шипением: "Оно знает... оно всегда знало..." А стена с символами пульсировала в такт, как будто ждала, чтобы кто-то прочёл – и сломал последнюю плёнку разума. Символы на стене не были просто мазками – они складывались в узоры, чуждые человеческому глазу, словно вырванные из геометрии другого измерения. Написанные чем-то густым, тёмно-алым, что могло быть кровью, но пахло не железом, а чем-то древним, как разлагающийся космос. Чем дольше Кид смотрел на них, тем яснее становилось: они не статичны. Они шевелились, вибрировали на краю зрения, шептали на языке, который не звучал в ушах, а проникал прямо в разум – «кровь... кровь...пусти нас...». Голос из глубины, не из стены, а из него самого, прошептал: «Дай ей кровь,пусти её, и она откроет тебе врата...» – Ааа, что за чёрт?! Кто ты?! – прокричал Кид, но его голос утонул в хаосе: непрерывная стрельба Брока гремела как гром в замкнутом аду, крики отряда эхом отражались от стен, сливаясь в один сплошной вопль отчаяния. Они были загнаны в ловушку – чудовища надвигались с неистовой яростью, их формы искажались в полумраке, словно тела, слепленные из теней и забытых кошмаров. Только пулемёт Брока и точечные выстрелы парней держали тонкий барьер между жизнью и тем, что хуже смерти. – Держись, пацан! – заорал Брок сквозь грохот, его пулемёт кашлял огнём, отбрасывая вспышки, которые на миг освещали оскаленные пасти приближающихся тварей. – Не вздумай сломаться сейчас! – Они... они знают нас! – выдохнул Слим. – Слышите? Они шепчут имена... Ладно. Ладно. Хочешь кровь – держи! Кид вытащил нож из ножен. Порезал руку, и кровь хлынула не каплей, а потоком, который тянулся к стене, словно живой, магнитный. Символы отреагировали мгновенно: завибрировали сильнее, их шепот стал громче, оглушительным – «Даааа... дай её нам... кроооооовь...». Он поднёс руку к стене, и мир загудел, как будто сама реальность завибрировала в ответ. Символы со стены оживились, словно змеи из бездны: они раскрывались, извиваясь, и переходили на его тело, впиваясь в кожу не иглами, а знаниями – чуждым, непостижимым знанием, которое переписывало его воспоминания. Тело Кида наполнилось болью, но не физической – это была агония души, как будто его «я» растворялось в потоке чужих эпох. Он услышал голоса в голове: они громыкали, словно гром в бурю, перекрывая звук выстрелов, – шепотом, который был не звуком, а вибрацией, ломающей разум. Его тело поднялось в воздух – ужас охватил его, холодный, липкий, как паутина из другого измерения. Он терял себя: вспышки видений нахлынули, не его, но теперь – его. Отряд рыцарей с алым крестом на груди, сражающийся в незнакомых лесах, где деревья шептали проклятия. Стрелы затмили небо, пронзая тело – он умирал, проваливаясь во тьму, оказываясь по ту сторону завесы. Там, в глубине, мелькнул давно забытый, стёртый из памяти дом – от него веяло теплом и уютом, но ложным, как мираж в пустыне безумия. Он попытался шагнуть к нему, но ноги не слушались. За спиной раздался голос, не зовущий, а приказывающий: «Мы ждём тебя, дитя...» Кид обернулся – и увидел чёрное небо над холмами, чёрными, словно сама тьма материализовалась в форме. Он знал – интуитивно, без слов, – что перешагнув за них, он больше не вернётся. Всё забудется, сотрётся из памяти; он станет пустотой, никем – точнее, ничем. Его тянуло к холмам против воли, тело летело, разум цеплялся за остатки себя. Голос в голове прошептал: «Кто же ты, дитя?» И Кид задумался – что он такое? Мысли оборвались, как нити реальности. Голос закричал: «Посмотри на свои руки, если хочешь вернуться – иначе умрёшь...» Холмы приближались, вдали проступали неразборчивые силуэты людей – до боли знакомые, словно потерянные части его души, зовущие к себе. Но нет. «Я не хочу... Я хочу к дому... Я хочу вернуться!» Он посмотрел на руки: символы со стены исписывали их равномерно, складываясь в узоры, которые двигались по коже, как живые руны из забытого алфавита – спирали, переплетающиеся в формы, напоминающие искажённые глаза и шепчущие рты. «Прочитай их», – сказал голос. «Но я не понимаю!» «Читай – ты всё помнишь. Дай себе волю!» И вдруг на мгновение он вспомнил всё – то, чего не могло быть, возможно, из прошлой жизни, из бездны,

что всегда таилась в нём. Слова всплыли, древние, непроницаемые: но он смог, произнёс их вслух, и гром прогремел. Мир задрожал, тело остановилось. Холмы стёрлись в пыль вместе с силуэтами, небо раскололось на мелкие частицы тьмы, отступающей, как прилив. Кид вдохнул воздух – чистый, но иллюзорный – и обернулся в надежде увидеть тот самый дом. Он по-прежнему был там: красивый, из дерева, большой, рассчитанный на огромную семью, веющий теплом, которое манило, как ложная надежда. «Расступись, тьма», – прошептал он, и мир засиял светом. Вокруг дома появились луга, неподалёку виднелся зелёный лес, рядом пробежал ручей – картина до боли знакомая и уютная, но с привкусом обмана, как будто реальность под ней трещала. Он представил, как приближается к дому, закрыл глаза – и открыл их у порога. От дома веяло теплом; он захотел войти – и не успев подумать, очутился внутри, в кухне, полной света, уюта и тепла. На плите кипел чайник, в кастрюле варился мясной суп, запах которого был одновременно успокаивающим и... неправильным, с ноткой гнили под поверхностью. Он осмотрелся – никого. И вдруг увидел чердак. Представил, как проникает внутрь – и без усилий очутился там. Внутри: деревянные полки с разными бумагами, окно с видом на ручеёк и лес, от которого веяло спокойствием и теплом, но с подтекстом – как будто лес шептал что-то на краю слуха. И сейф в углу комнаты, которого по какой-то странной причине здесь не должно было быть. Сейф пробуждал тревогу, будто скрывал ответы – ответы абсолютно на всё, на вопросы, которые Кид никогда не задавал, но теперь они жгли разум. Сейф был полностью из чёрного металла, гладкого, словно вода, поглощающего свет, и холодного, словно ледник из другого измерения. «Как же открыть то, у чего нет замка?» – подумал он. И вдруг голоса в голове зашептали: «Кровь!» Он посмотрел на свои руки – символы никуда не делись, они пульсировали, двигаясь по телу словно змеи, живые, голодные. Он подумал о ноже – и тот материализовался в руке, холодный, реальный. Сделал небольшой надрез – кровь проявилась, шепча ему странные, непонятные вещи: фрагменты забытых имён, формулы, которые решали не уравнения, а его самого. Он поднёс руку к сейфу – и кровь перешла на него, символы стали сползать с рук с огромной скоростью, принося жгучую боль, как будто они вырывали куски его души. Но руку убрать он уже не мог – она прилипла, как к паутине бездны. На сейфе стали проявляться символы, напоминающие странные буквы: искажённые глифы, похожие на переплетённые вены и трещины в реальности, пульсирующие, как сердце чуждого бога. Всё замерло. Он убрал руку – на ладонях символов уже не было, все они осели на сейфе. «Скажи слово», – прошептал голос. «Какое? Я не понимаю...» Тишина. Голос исчез. «Ладно», – подумал Кид про себя. «В чём же смысл всего? Ответ кроется за ним, за этой дверью сейфа. Ну что же...» «Откройся! Да будет так!» – прогремел голос словно гром, и дверь резко отворилась. За ней скрывалась бездна, полная хаоса, в которой виднелся силуэт женщины, закованной в цепи. Она тянулась к нему, от неё веяло гневом и одновременно невыносимой тоской. Рука её тянулась к нему, и он чувствовал, как символы проявлялись в реальности, прорезая саму материю настоящего. Она манила его. Её голос – столь нежный и сладкий – прошептал: «Я помогу... выпусти меня... умоляю...» В нём пробудилось первородное желание завладеть ею – той самой истинной тьмой. На мгновение он забыл о себе, забыл обо всём на свете. Он словно услышал вдалеке, где-то там, голос: «ДА БУДЕТ СВЕТ!» В глазах его вспыхнула ослепительная вспышка, всё озарилось светом – кроме неё. Она по-прежнему была желанной, привлекательной, сущей тенью, чернотой его потаённых желаний. Она тянулась к нему: «Позволь закрыть тебя от Его света... он ослепит тебя... твой сосуд не выдержит! Ну же... я так долго ждала тебя... освободи меня...» Ослеплённый светом, он протянул к ней руку. Она дотронулась до него. Всё затихло. Свет на мгновение исчез. Осталась лишь она и он. Она разорвала цепи, обняла его и поцеловала, шепча: «Я освобожу тебя...» С каждым её поцелуем он наполнялся тьмой – невероятной, первозданной силой, которая отпечатывалась в его разуме, в его костях. На коже символы снова вернулись, но уже не те, что раньше – они словно тень окутывали его, двигаясь и пульсируя, как живые змеи. Она растворилась в нём.

Она стала с ним единым целым. «Я помогу... ты создан, чтобы править мирами... чтобы быть БОГОМ... а я – твоя королева... мы заставим миры и вселенные склониться перед нашей мощью!» Слова её рвали его разум, стирая его «я». Он словно пробуждался ото сна, видя мир иначе, возвышаясь выше небес, выше самого космоса, ломая все возможные измерения, вырываясь по ту сторону четвёртой стены, выходя за время. Он видел то, с чего всё началось. Видел ЕГО – того, кто создал всё. «НЕТ!» – закричала она. – «РАНО! Не сейчас! Он узнает!» Вспышка тьмы вернула его назад. Он словно вечность проваливался куда-то в пустоту, пытаясь ухватиться за остатки своего разума, не понимая, где он и что он такое. Видел видение: он вёл за собой огромную армию – но против кого? Все кланялись ему, называя его истинным светом всего... «Что происходит?!» – закричал он. Но на самом деле кричал Брок: «КИД, МАТЬ ТВОЮ, ОЧНИСЬ! ЧТО С ТОБОЙ?! ТЫ НАМ НУЖЕН!» Кид лежал на полу у стены, в руках он держал нож. Посмотрев на вторую руку, которую он порезал, он увидел, что раны не было. Чудовища приближались. Они падали в двух шагах от Брока. Его пулемёт уже раскалился до красна, оружие начало клинить. «ПАТРОНЫ КОНЧАЮТСЯ!» – заорал Брок. Сержант точно стрелял вместе с доком по монстрам – прямо в головы, которые лопались, словно воздушные шары, окрашивая стены в чёрную жижу. Кид встал с пола, слегка качнувшись. Посмотрел на Слива – тот лежал без сознания. Потом снова посмотрел на парней. И вдруг его посетила странная мысль: почему я стою, ведь легче летать? Он медленно поднялся в воздух. После посмотрел на чудовищ. В нём проснулся гнев – не тот, что у обычного человека, а тот, что древнее самой материи мироздания. Он не сказал – проговорил, и голос был не его. Голос был басистый, громовой, словно древнее божество заговорило сквозь него, эхом отдаваясь в костях каждого, кто слышал: «Разойдитесь, друзья. Теперь моя очередь.» Все на миг оглянулись на него – и в ужасе замерли. Он левитировал над полом, глаза его горели двумя яркими звёздами, холодными и бесконечными. «Я не позволю вам нас тронуть.» Он резко поднял руку вверх – и сжал в кулак. Всё замерло. Стрельба. Чудовища. Время. За одно мгновение, за одну секунду – они все рухнули без сознания. Его глаза засветились столь ярко, что ослепили на мгновение всех. Чудовища попадали целыми. Длинный коридор опустел за одно биение сердца. Тишина. Кид опустился на землю. Повернулся к стене. Прикоснулся к ней – и на её месте появилось зеркало, идеально гладкое, без единой ряби. «Подойдите быстрее. Нам надо уходить.» Никто не стал спрашивать что, зачем, почему. Они послушно выполнили его приказ. Взяв Слива, они дотронулись до зеркала. Вспышка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.